

Т. Г. ХАЗАГЕРОВ

УДАРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

1. Сформулированное в Академической грамматике русского языка (I, М., 1953, стр. 210) положение о том, что в современном русском языке «различие по ударению все более и более становится дополнительным средством дифференциации падежных форм единственного и множественного числа», отражает определенную закономерность развития русского языка. Московские памятники светского характера середины и второй половины XVII в. (Учение и хитрость ратного строения — 1647, Соборное Уложение — 1649, Космография — 1670, Лечебник — XVII в.) сравнительно с более поздними соответствующими по территории источниками¹ показывают, что на протяжении XVII—XIX вв. изменили место ударения и стали противопоставлять по ударению множественное число единственному сотни непроизводных имен существительных, относящихся к разным типам склонения. Например: *бедá* — *бéды* (старое *беды́*, ср. Космография, 175), *вдовá* — *вдóвы* (старое *вдовы́*, ср. Уложение, 193) и аналогично *вины*, *войны*, *дрофы*, *дуги*, *дыры*, *жены*, *змеи*, *игры*, *колбасы*, *крупы*, *лисы*, *луны*, *орды*, *пилы*, *руды*, *сестры*, *скалы*, *скорлупы*, *скулы*, *слуги*, *совы*, *стрекозы*, *струи*, *судьбы*, *суды*, *толпы*, *травы*, *трубы*, *тюрьмы* и т. д.; *вóйска* — *войскá* (старое *вóйска*, ср. Учение, 10) и аналогично *дела*, *масла*, *мыла*, *права*, *стада*, *чудеса*, *имена*, *семена* и т. д.; *воз* — *возы́* (старое *вóзы* — Уложение, 90, твор. мн.) и аналогично *гробы*, *дары*, *долги*, *дубы*, *жиры*, *меды*, *миры*, *мозги*, *мосты*, *носы*, *пары*, *пиры*, *полы*, *пруды*, *пуды*, *разы*, *рои*, *ряды*, *сады*, *слои*, *сыны*, *сыры*, *тазы*, *торги*, *ходы*, *чай*, *чаны*, *чины*, *чубы*, *шаги* и т. д.; *бег* — *бегá* (старое *бéги* — Аввакум, 191) и аналогично *берега*, *века*, *глаза*, *голоса*, *города*, *доктора*, *дома*, *желоба*, *жернова*, *колоба*, *колокола*, *края*, *купола*, *кузова*, *лекаря*, *леса*, *луга*, *мастера*, *меха*, *острова*, *откупа*, *паруса*, *перепела*, *писаря*, *повара*, *повода*, *погребá*, *поезда*, *потроха*, *пояса*, *провода*, *пропуска*, *роза*, *снега*, *соболя*, *сторожа*, *тетерева*, *учителя*, *черепа*, *якоря* и т. д.; *князь* — *князьá* (старое *князи* — Космография, 7) и аналогично *друзья*, *мужья* и т. д. Аналогично изменяется ударение и в заимствованиях начала XVIII в., ср. *бáлы* (у М. В. Ломоносова), *паспóрты* (у В. Майкова) и совр. *балы́*, *паспортá* и т. д.

При анализе этого материала не во всех случаях ударение, зафиксированное в названных московских памятниках и более поздних источниках, следует рассматривать как древнейшее. Здесь представлены и вторичные факты, и позднейшие колебания (ср., например, акцентуацию *вины* в одном из посланий Ивана Грозного и оценку этой акцентуации

¹ В статье цитируются следующие памятники: Космография, 1670 — рукопись, написанная в Москве, цитируется по изд. Общества Любителей Древней Письменности (СПб., 1881); Лечебник XVII в. (рукопись бывшей Синодальной библиотеки, 481) — Государственный Исторический музей (Москва); Соборное Уложение — старопечатная московская книга; Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 — старопечатная московская книга; Триодь постная, 1589 — старопечатная московская книга; Чудовской Новый Завет — Новый завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского), М., 1892. Из памятников XVII в., близких по языку к московским, цитируется Житие Протопопа Аввакума (автограф), БАН, Собр. Дружинина, 746, 70-е годы XVII в.

В. В. Колесовым²). Трактую материал в указанном плане, мы сознательно отвлекаемся и от вопроса о диалектных взаимодействиях, столкновении книжных и просторечных, старославянских и русских элементов и т. д. То, однако, обстоятельство, что все упомянутые выше изменения идут в одном направлении (однородны с функционально-семантической точки зрения), заставляет нас здесь и в дальнейшем исследовать языковой материал и пути его трансформации именно в функционально-семантическом аспекте.

Списки, приведенные в начале статьи, разумеется, можно было бы значительно расширить³.

Рассматриваемая дифференцирующая функция ударения еще шире представлена в украинском и белорусском языках. Ср. укр. *баба*, -*а́* (*ма́мй, хатй*), *це́рква*, -*а́*, *ви́шня*, -*а́*, *ні́тка*, -*а́*, *поду́шка*, -*а́*; *кочерга́* — *коче́ргы* (*ча́дри, ча́лми*); *шы́ло*, -*а́*, *болбо́то*, -*а́*; *чо́рт*, -*а́* (*бо́гй, бра́тй, диди́*), *ре́ктор*, -*а́*, *ящик*, -*а́*, *товари́ш*, -*а́*, *хозя́н* — *хозяни́*; *ска́терть* — *ска́терти́*; белорусск. *ца́ркв́а* — *ца́рквы*, *дачка́* — *дачки*, *гэ́луб* — *гэ́лубы*, *ма́рбэз* — *ма́разы́* и т. д.⁴.

Любая акцентная кривая⁵, характеризующая подвижный тип ударения, противопоставляет в русском языке им. падеж ед. числа (один считае́мый предмет, позиция подлежащего) род. падежу мн. числа (свыше четырёх считае́мых предметов, позиция подлежащего), т. е. отношения *вдо́ва* — *вдо́в, се́лб* — *се́л, воз* — *возбе́, мышь* — *мышей́* охватывают всю систему подвижного ударения имен существительных в современном русском языке.

Нет ли оснований предположить, что и в глаголе ударение служит дополнительным средством дифференциации форм числа, позволяет посредством личной формы глагола различать число субъектов (лиц), совершающих действие? История языка свидетельствует, что десятки глаголов, ранее не различавших по месту ударения формы 1-го лица ед. и 1-го лица мн. числа настоящего или простого будущего времени, стали различать их. На материале взятых памятников можно констатировать изменения: *лечи́* — *лечим* (старое *лечим*, ср. Лечебник, 119)⁶ и аналогично *валим*,

² В. В. Колесов, История русского ударения, Л., 1972, стр. 38, 41.

³ См.: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., М., 1954, стр. 150—161; его же, Курс русского литературного языка, II, Киев, 1953, стр. 248—249; V. Kiparsky, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962; В. В. Колесов, указ. соч.; Т. Г. Хазагеров, Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. АКД, Ростов-на-Дону, 1967, и др.

⁴ См.: Л. А. Булаховский, Украинский литературный наголос, Київ, 1946; М. І. Погрібний, Словник наголосів української літературної мови, Київ, 1964; М. П. Лобан, М. Р. Судник, Слоўнік арфаграфічны, Мінск, 1966; М. П. Лобан, Націск назаўнікаў у сучаснай літаратурнай мове. АКД, Мінск, 1953.

⁵ Термин «акцентная кривая» заимствован из «Грамматики современного русского литературного языка», М., 1970, § 1021. Кривая А характеризуется неконечным ударением во всех словоформах, В — конечным ударением во всех словоформах. В XVII в. кривая В (*беда́* — *беды́*) была значительно шире распространена у имен жен. рода, А — у имен ср. рода, С₁ (неконечное ударение в ед. числе и в им.-впн. мн. числа, в остальных формах конечное) у существительных муж. рода. Переход от кривых А, В, С₁ к кривым Д и С отражает рассматриваемую тенденцию.

⁶ Чудовской Новый завет, как и другие достаточно поздние тексты церковного характера, дает образцы древнейшей подвижной акцентуации типа *са́рю* — *са́рим* (см.: В. А. Дыбо, Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения, ВЯ, 1969, 6). В памятниках XVII в. такая акцентуация уже не встречается. неподвижное конечное ударение (*лечи́*, -*а́*, -*а́*, -*а́*, -*а́*) было в XVII в. распространено значительно шире чем в современном языке (у глаголов IV продуктивного класса).

варим, губим, дарим, делим, продолжим, косим, кормим, курим, ловим, положим, ломим, переменим, платим, поим, отпустим, посадим, сушим, солим, разрушим, тащим, терпим, учим, ценим, явим и т. д. или держу — держим (старое держим) и аналогично дышим и т. д.⁷

Интересно, что на тех территориях, где рассматриваемая подвижность ударения представлена в имени шире, она шире представлена и в глаголе. Ср. укр. *гвинчу* — *гвинтимо*, *дзвоню* — *дзвонимо*, *говорю* — *говоримо* и аналогично: *кривимо*, *мбримо*, *освіжимо*, *слідимо*; белорусск. *азеляню* — *азелянімо* и аналогично *авбстрымо*, *адбвімо*, *гбцімо*, *грэшымо*, *заразімо*, *крытымо*, *плбдзімо*, *чэрнімо* и т. д. В тех системах, где подвижность ударения уже представлена в имени, она уже представлена и в глаголе (ср. в говоре села Пермас, описанном В. Г. Орловой: *с'остры*, *травы* на месте литературного *с'остры*, *травы*, *вар'ым*, *сол'ым* на месте литературных *вар'им*, *сол'им*)⁸.

В связи с высказанным предположением возникает ряд вопросов, затруднений, требующих своего разъяснения.

1. Разрушение древнейших акцентных отношений *в'арю* — *вар'им* находится в видимом противоречии со сделанным наблюдением.

2. Наряду с противопоставлением 1-е лицо ед. число — 1-е лицо мн. число существует и другое акцентное противопоставление: 1-е лицо ед. числа противопоставляется 2 и 3-му лицам ед. числа.

3. Противопоставление по месту ударения 1-е лицо мн. число — 1-е лицо ед. число не охватывает прошедшего времени.

4. Противопоставление по числу охватывает только формы 1-го лица.

Рассмотрим их в той последовательности, как они здесь названы.

1. Наблюденная тенденция ограничена известными хронологическими рамками. Она начинает складываться не ранее конца XIV в., когда старая (морфонологическая) мотивация акцентных кривых и их дистрибуции окончательно разрушается, и становится продуктивной не ранее середины XVII в., когда складывается определенная семантическая мотивация акцентных кривых и их дистрибуции. К этому периоду акцентная кривая *в'арю* — *вар'им* уже перестала быть живым фактом языка.

2. Наблюденная тенденция на первом этапе своего становления и в своем дальнейшем развитии представляет собой прежде всего генерализацию определенных акцентных кривых, существовавших в языке предшествующих этапов, но имевших иную мотивацию. В начале процесса, видимо, те или иные формальные или смысловые отношения не непосредственно выражались при помощи ударения, но, скорее, сами служили основанием для определенных акцентных различий. Используя при этом старые модели со старыми формальными противопоставлениями, язык в основном сохранял и другие традиционные элементы этих моделей.

3. Выбор места ударения в глаголе, как это впервые было отмечено еще Я. К. Гротом, регулируется формами инфинитива⁹. Правда, в этом

⁷ См. названные работы Л. А. Булаховского и В. Кипарского, а также: Н. К. Пирогова, Развитие типов ударения в системе русского глагола. АКД, М., 1959. Историческую перспективу развития акцентных отношений в глаголе и имени в белорусском и украинском языках показывают материалы, собранные в труде Е. Ф. Карского «Белорусь», 1—М, 1955, 2—3—М., 1956; см. также: З. Н. Веселовская, Особенности восточнославянского ударения конца XVI — начала XVIII вв., «Наукові зап. Харьківськ. пед. ін-ту», 5, 1959.

⁸ В. Г. Орлова, О говоре села Пермас Никольского р-на Вологодской обл., «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М.—Л., 1949, стр. 52—61, 67—69.

⁹ Я. К. Грот, О спряжении русского глагола и важности в нем ударения, «Филологические разыскания», I, СПб., 1873.

отношении возможности глаголов неодинаковы. У глаголов I акцентологического класса (как это определяется «Грамматикой» 1970 г., т. е. у глаголов, у которых в формах настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения суффикс содержит слог, например, *играет — играла, болеет — болела, беседует — беседовала*) выбор места ударения в инфинитиве обычно определяет выбор места ударения во всех личных формах. Иначе обстоит дело у глаголов II акцентологического класса (т. е. у таких, у которых в формах настоящего времени изъявительного наклонения суффикс не содержит слога, в формах же прошедшего времени изъявительного наклонения суффикс содержит слог, например, *носит — носила, дышит — дышала*).

Естественно, что место ударения в инфинитиве (если выбрано ударение на суффиксе) может оказывать влияние на выбор места ударения в формах прошедшего времени (ср. замену таких акцентных отношений, как *сътвори-ри, сътвори-ли, сътвори-ло, сътвори-лъ*, ср. в Чудовском Новом завете: *сътвори-ла — 14 об., сътвори-лъ — 75 об.*, Триодь постная: *покори-ла — 360 об.* и т. д.¹⁰, современными отношениями с неподвижным ударением на суффиксе по образцу форм инфинитива) и не может оказывать влияния на выбор места ударения в формах настоящего времени, где суффикс не только не содержит слога, но и вообще отсутствует. Таким образом, рассматриваемая тенденция может распространяться лишь в глаголах II акцентологического класса и лишь на настоящее (и простое будущее) время.

4. Противопоставление по числу у форм 1-го лица имеет несколько иное семантическое содержание, чем то же противопоставление у форм 3-го лица¹¹ и даже чем у форм 2-го лица. Если «мы» в подавляющем большинстве случаев означает «я + другое лицо, т. е. я + она, я + ты», или «я + другие лица», т. е. «я + вы, я + они», — хорового «мы» можно практически вообще не принимать во внимание, — то не только «они», но и «вы» достаточно часто указывают на множество «одинаковых лиц», т. е. «он + он», «она + она», «ты + ты» и т. д.¹².

Итак, основная функция ударения и в имени, и в глаголе — это дифференциация форм ед. и мн. числа (у глаголов через противопоставление 1-го лица мн. числа 1-му лицу ед. числа, у имен прежде всего через противопоставление им. или род. мн. числа им. падежу ед. числа).

В глаголах возможность противопоставления множественного числа единственному в прошедшем времени не реализуется из-за выравнивания ударения по инфинитиву; но, например, в кратких прилагательных (также согласующихся в числе с именем — подлежащим) наблюдается расширение противопоставления множественного числа единственному (ср.

¹⁰ Выравнивание ударения в *l*-причастиях у глаголов рассматриваемого типа в соответствии с ударением инфинитивов — явление достаточно древнее. В памятниках указанные акцентные отношения представлены крайне нерегулярно. Ср. хотя бы в Триоди постной: *сътвори-ла* 15 об.

¹¹ Этот известный факт констатируется, например, на обширном материале К. Куриловичем в книге «The inflectional categories of Indo-European», Heidelberg, 1964, стр. 149 и 205, который говорит об особом типе «эллиптического» плюраля в 1 и 2-м лицах и об особом типе того же плюраля в имени, отличном от обычного разделительного плюраля, характерного для имени вообще; мнение А. В. Исаченко по данному вопросу, высказанное в статье «О грамматическом значении» (ВЯ, 1961, 1), явно ошибочно: и в разделительном, и в эллиптическом плюрале эксплицитно дана расчлененность, но в разделительном — эксплицитно дана еще и внешняя расчлененность, т. е. принадлежность разных предметов к одному классу (ср. «книги = книга + книга...»), в эллиптическом же она дана только имплицитно (ср. «мы = я + ты...», где указание на то, что «я» и «ты» — лица, лишь подразумевается). Внешняя расчлененность не выражена и в таких случаях, как греч. от *βασιλεὺς* (царь и царица).

¹² Ср.: З. М. Мургина, Семантическая структура сопрягаемых форм русского глагола, М., 1970.

замену акцентных отношений *глух — глухи* отношениями *глух — глухи*¹³.

Дифференциация форм числа с помощью акцентных средств является, по-видимому, частным случаем использования акцентуации в качестве средства выражения количественных отношений вообще, т. е. количественных отношений типа: число в имени существительном и местоимении-существительном, степень в прилагательном, вид (целостность — расчлененность или линейный — точечный характер действия), а также некоторые способы действия (например, многоактный — одноактный) в глаголе¹⁴. Так, роль ударения как средства дифференциации форм сравнительной и положительной степени (указание на большую или меньшую степень проявления признаков) заметно возрастает на протяжении двух последних веков. Еще во времена Ломоносова и даже Грибоедова (ср. в «Горе от ума»: «Поют все песнь одну и ту же, не замечая о себе: что старее, то хуже») нормативными были ударения типа *мра́чнее, ста́рее*, которые сменились отношениями типа *мра́чный — мра́чнее*, аналогично *длиннее, страшнее, сильнее, добрее, нужнее, вернее, правее, стройнее* и т. д.¹⁵.

Широко известно также использование ударения как средства дифференциации видовых форм и указания на многоактный способ глагольного действия¹⁶.

Возникновение и становление рассмотренной тенденции в целом определяется двумя факторами: 1) количественные отношения, лежащие в основе таких категорий, как число, вид или степень сравнения, столь универсальны и актуальны в повседневном употреблении, что языковое сознание особенно охотно связывает с ним (конечно, если соответствующие грамматические категории в языке уже существуют) формальные различия — независимо от того, какой была мотивация этих различий в предшествующую эпоху — и охотно генерализует эти формальные различия; 2) в условиях, когда флективный показатель связывается с комплексом значений, ударение (как и чередование) представляет собой важное средство, позволяющее выделить и эмфатически подчеркнуть (особенно в условиях устного обмена информацией) одно из них; так, употребляя одну из форм — с ударением на флексии или на основе в подвижной акцентной кривой (например, не *ме́сто*, а *места́*), говорящий тем самым подчеркивает не падежное значение, а значение числа, ибо ударение в этой кривой, из-за противопоставленности парадигматического ряда ед. числа в целом по своей акцентуации парадигматическому ряду мн. числа связывается, в отличие от флексий, прежде всего со значением числа.

2. Сформулированный в Академической грамматике 1953 г. вывод, характеризующий ударение не только как дополнительное средство дифференциации форм ед. и мн. числа, но также и как дополнительное средство противопоставления «прямых падежей косвенным» (стр. 210), должен стать предметом серьезного обсуждения. Во-первых, из примеров, приводимых «Грамматикой» — *зубы — зубо́в, вбры — вору́в* (вин. мн. *зубы — вору́в*), *сте́пи — степе́й* и, добавим, *лошади — лошаде́й* (вин. мн. *сте́пи — лошаде́й*), *гвозди — гвозде́й* и, добавим, *ко́ни — коне́й*, — видно, что речь

¹³ Ср.: К. С. Горбачевич, Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971, стр. 84. На связь этого противопоставления с аналогичными противопоставлениями у существительного (*стог — стога́*) указывал А. Б. Шапиро в ст. «Ударение в кратких прилагательных» («Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 1, 1952).

¹⁴ См.: J. K u r y ł o w i c z, The inflectional categories..., стр. 34; ср.: W. D r e s - s l e r, Studien zur verbalen Pluralität, Wien, 1968.

¹⁵ См.: С. В. Бромлей, Место ударения в формах сравнительной степени, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 8, 1955.

¹⁶ См.: И. Ф. Шарловский, Русское слогаударение, Воронеж, 1883, стр. 3 — 5; е го же, Русская просодия, Одесса, 1890, § 131.

идет не только о противопоставлении им. и вин. падежей косвенным, но и о противопоставлении им. падежа всем остальным. Во-вторых, из анализа примеров, приводимых «Грамматикой», может создаться впечатление, что рассматриваемая дифференциация ограничивается лишь формами мн. числа и отсутствует в ед. числе.

В «Грамматике», правда, указывается на единичные случаи подобной дифференциации, но непонятно, почему примеры *гвоздь* — *гвоздя́* рассматриваются как осуществляющие противопоставление с помощью ударения прямых и косвенных падежей (стр. 210), а примеры типа *бык* — *быка́* лишь как имеющие неподвижное ударение на окончании (стр. 192). С одной стороны, при более последовательном подходе такие примеры при рассмотрении данной тенденции можно было бы не принимать во внимание. Форма им. падежа *гвоздь*, как и *бык*, не имеет выраженного падежного окончания и потому имеет вынужденное ударение на основе, а такое ударение, в соответствии с ударением на флексии в формах с выраженным падежным окончанием, можно рассматривать как условное ударение на окончании (как это и делается в «Грамматике» 1970 г.)¹⁷. С другой стороны, не удовлетворяясь таким решением в плане семантического и исторического анализа, можно предложить и иную трактовку.

В самом деле, словоформам типа *бык* или *гвоздь* может быть условно приписано то же ударение, что и, например, в словоформах *быку́*, *гвоздю́*. Было ли, однако, исторически, на протяжении реального языкового развития в действительности представлено стремление к такому более простому осознанию семантики ударения модели или же, наоборот, это осознание было более сложным, и модель воспринималась как имеющая дополнительную семантическую нагрузку?

Если бы ударение в случаях типа *бык* осознавалось как неподвижное ударение на окончании и характеризовалось бы и с исторической, и с функционально-семантической точек зрения как акцентная кривая В (согласно терминологии «Грамматики» 1970 г.), то очевидно, что эта акцентная кривая существительных муж. рода пополнялась бы лишь за счет заимствованных и производных имен (что действительно имеет место у акцентной кривой В существительных жен. рода, ср. *блхча́*, *зурна́*, *кобза́*, *паранджа́*, *пиала́*, *сайга́*, *чалма́*, *чадра́* и т. д. или *квашня́*, *кleshня́*, *ступня́*, *зуда́*, *раба́*, *хула́*, *хвала́* и т. д.). Такая кривая не могла бы пополняться за счет перераспределения непродуцированных основ между акцентными кривыми¹⁸ (из акцентной кривой В существительных жен. рода выпали многие имена, например, *беда*, *вина*, *война*, *жена* и т. д.; ср. также укр. *ча́лми*, *ча́дри* — ед. числа *ча́лма́*, *ча́дра́*, но ни одно существительное из других акцентных кривых не пополнило ее состав). Между тем, акцентная кривая В имен существительных муж. рода в действительности активно пополняется за счет других акцентных кривых.

Так, например, из акцентной кривой А (неподвижное ударение на основе) перешли в кривую В такие имена, как *жук*, *каба́н*, *кара́сь*, *кит*, *паж*, *штык*¹⁹, весьма вероятно и *линь*, *грач*, *лу́нь*, из кривой С (неконечное ударение в ед. числе, конечное во мн. числе) или С₁ (неконечное ударение

¹⁷ А. А. З а л и з н я к, Ударение в современном русском склонении, «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 2; е г о ж е, «Условное ударение» в русском словоизменении, ВЯ, 1964, 1.

¹⁸ Опосредствованная аналогия основана на принципе максимальной дистанции. Ср.: Е. К у р и л о в и ч, О природе так называемых «аналогических» процессов, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 98.

¹⁹ Примеры взяты из работ: В. В. К о л е с о в, История русского ударения, стр. 105, 110, 171; В. Р. К и п а р с к и й, О колебаниях ударения в русском литературном языке, Хельсинки, 1950, стр. 63—79 и 105.

в ед. числе, в им. и вин. падежах мн. числа, конечное ударение в остальных падежах), *ксе́ндз*, *пру́т*, *шну́р*, *шу́т* и т. д.

В. Р. Кипарский приводит обширный список имен (главным образом одушевленных или названий орудий, инструментов), перешедших в акцентную кривую В. Материал В. Р. Кипарского в сравнительно-историческом плане не всегда безупречен²⁰, однако он наглядно показывает, что в противоборстве вариантов *мбржа* и *моржа́*, *сйга* и *сига́*, *сбма* и *сома́*, *слбна* и *слонá* (ср. еще в Космографии: *слбнов* — 133, *слонбв*, *слонáми* — 205) (независимо от древности того или иного варианта), зафиксированном в расхождениях нормативных словарей конца XVIII — начала XIX в., победителем неизменно выходит вариант с ударением на флексии. Подобно аналогическим пропорциям *пчелá* — *пчелы* = *беда́*: *x*, откуда *x* = *бе́ды* вместо *беда́*, основанным на дополнительной дифференциации противопоставлений по числу, возникли и пропорции *бык*: *быка́* = *жук*: *x*, откуда *x* = *жука́* вместо *жукá* (ср. у Сумарокова: «Невежи — жу́ки вползли в науки.../ И выгнал он всех жу́ков вов»), основанные на дополнительной дифференциации противопоставлений субъекта и объекта (так же: *кол*: *кола́* = *штык*: *x*, откуда *штыка́* вместо *шты́ка*). Но если такой процесс имел место, то это означает, что формы *бык* (как и *жук*), *кол* (как и *штык*) воспринимались как ударяемые на основе.

Итак, можно сказать, что примерами, иллюстрирующими в ед. числе противопоставление им. падежа вин. падежу и косвенным, у одушевленных имен могут быть не только случаи типа *конь* — *коня́* — *ко́ни* — *коне́й* (акцентная кривая В₁, согласно Грамматике 1970 г.), но и случаи типа *бык* — *быка́* — *быкí*, — *быкбв* (акцентная кривая В); у неодушевленных такими примерами могут быть не только противопоставления *гвоздь* — *гвоздя́*, *гвбзди* — *гвбзде́й* (акцентная кривая В₁), но и *штык* — *штыка́* — *штыкí* — *штыкбв* (акцентная кривая В).

Ударение дифференцирует именно форму им. падежа (указание на субъект действия при глаголе в действительном залоге) и вин. и косвенных падежей (указание на объекты действия при глаголе в действительном залоге); при этом такое противопоставление находит полное выражение лишь у одушевленных имен, противопоставление же форм вин. и косвенных падежей у неодушевленных имен обусловлено совпадением вин. и мн. падежей. В пользу такой трактовки говорит ряд соображений не только структурного, но и семантического и исторического плана:

1. Пополнение акцентной кривой В у имен муж. рода происходит в основном за счет одушевленных существительных, ср. например, в отдельных северновеликорусских говорах, а особенно в южновеликорусских, где акцентная кривая В представлена шире, чем в литературном языке: *волка́*, *вора́*, *гуся́*, *медведя́* и даже *оленья́* и *зверя́*²¹.

2. Там, где развитие и становление категории одушевленности происходит позже (украинский и белорусский)²², акцентная кривая В несколько менее продуктивна [ср. белорусск. *сбма вўжа* и *вужа́*, *лўня*; укр. *сбма, вўжа* (и *вужа́*), *лўня* и т. д.].

3. Акцентные отношения, подобные кривой В муж. рода с противопоставлением (хотя бы и вынужденным) им. падежа всем остальным, присущи в ед. числе только 1-му субстантивному склонению имен муж. рода

²⁰ См.: В. А. Дыбо, [рец. на кн.:] V. Kiparsky, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», 41, 1964, стр. 82—83.

²¹ См.: С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, ч. 1, Л., 1927, стр. 246—247.

²² См., например: Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972, стр. 403—404.

(по Грамматике 1970 г.), т. е. известны только там, где оформляется категория одушевленности (речь здесь идет лишь о ед. числе).

4. Противопоставление вин. падежа косвенным (когда он отличается от им. падежа) в истории языка обнаруживает непродуктивность; ср., например, устранение акцентных отношений типа *игла́, иглы́* (род. падеж), *иглу́* и замена их отношениями *игла́ — иглы́ — иглу́*, что свидетельствуется десятками случаев: *блоху, весну, версту, волну, грядку, звезду, золу, иглу, козу, овцу, росу, семью, свинью, слезу, смолу, соху, срелу, строку, железу, сквороду* и т. д.

Третьим важным возражением не только против формулировки, данной в приведенной в начале раздела, но и против той ее интерпретации, которая дана выше, может быть следующее.

Если ударение, как это утверждается в Грамматике 1953 г., действительно является живым и продуктивным средством дифференциации форм им. и косвенных падежей, то чем в таком случае объясняется массовый переход от акцентуации типа *звёзды — звезда́ми* (очень старые акцентные отношения) или *жёны — жена́ми* (более новые отношения) (ср. у В. Майкова: «Послушай, бедный Мом, ты слова моего, /мужья жена́м своим послушны для того/... то правда иногда и жёны пред мужьями...»; или в Уложении: «А за повторные приводы... пороти Ноздри и нбсы резати», 336 об.) к акцентуации типа *звёзды — звёздами, жёны — жёнами* у имен существительных жен. рода второго субстантивного склонения (согласно Грамматике 1970 г.) или переход от ударения типа *дбмы — домбе́* (только ли здесь дело в появлении новой флексии?) или *носы — носбе́* к ударениям *домá — домбе́* и *носы́ — носбе́* у существительных муж. рода твердого варианта первого субстантивного склонения? Почему, как об этом свидетельствует история языка, противопоставление им. падежа косвенным в этих склонениях не только не расширилось, но и стало непродуктивным, сохраняясь лишь в изолированных семантических группах вроде *губы, -ám, нбги, -ám, рúки, -ám, щёки, -ám, сёрьги, -ám, или слёзы, -ám, сбпли, -ям, стрбки, -ám, или зúбы, -ám, вблосы, -ám* и т. д.?

Академическая грамматика 1953 г. дает удовлетворительный ответ на этот вопрос, указывая, что ударение в имени используется как средство дифференциации мн. и ед. числа, как средство противопоставления мн. числа ед. числу. Там, где более сильная тенденция сталкивается с менее сильной²³, она, естественно, выходит победителем, и можно было бы сформулировать общее правило: косвенные падежи и вин. падеж противопоставляются им. падежу во мн. числе в том случае, если при этом не нарушаются представленные в акцентных моделях данного склонения или его варианта (мягкого, твердого) противопоставления форм мн. числа им. падежу ед. числа. По той же причине и им. падеж мн. числа, противопоставляясь им. падежу ед. числа, не сохраняет своей акцентуации, даже если она противопоставлена акцентуации косвенных падежей и вин. падежа мн. числа. Именно так следует понимать замену акцентных отношений *звездá — звезду́ — звёзды — звезда́ми* (акцентная кривая В₁) отношениями *звездá — звёзды — звёздами* (кривая D) или отношения *дом — дбму́ — дбмы — домбе́* (кривая С₁) отношениями *дом — дбму — домá — домбе́* (кривая C).

²³ Категория падежа как синтаксическая категория в меньшей мере способна мотивировать своей семантикой формальные различия, чем категория числа; ср. противопоставление коннекторных и десигнаторных категорий у Р. Якобсона (R. Jakobson, Shifters verbal categories and the Russian verb, Harvard University, 1957, стр. 3—4); падеж — по преимуществу коннекторная, а число — десигнаторная категория.

В акцентной кривой C_1 у имен жен. рода третьего субстантивного склонения (где нет образца с полным противопоставлением ед.—мн. числа, т. е. акцентных кривых C или D , и за отсутствием кривой B затруднены условия их образования), однако, расширение противопоставления им. падежа вин. падежу и косвенным падежам вполне возможно, что подтверждается переходом из акцентной кривой A в C_1 таких имен, как *мать*, *мышь*, *снасть* (ср. старую акцентуацию *мáтерей*, *мýшей*, *снáстей* ²⁴) и под.

Столкновение двух тенденций, впрочем, не всегда заканчивается победой более сильной. Характерно, что мягкий вариант 1-го субстантивного склонения у имен муж. рода сохраняет и расширяет акцентную кривую C_1 (хотя на базе акцентной кривой B или A или C_1 в мягком варианте могла бы выработаться и акцентная кривая C). В состав кривой C_1 входит много одушевленных имен: *голубь*, *гость*, *гусь*, *зверь*, *лекарь*, *лось*, *окунь*, *омуль*, *парень*, *соболь*, и она может пополняться за счет кривой A , ср., например, *камнѐй*, *медведѐй* (допустимо согласно «Грамматике» 1970 г.), *омулѐй*, *окунѐй* вместо более старых *кáмней*, *медвѐдей* и т. д.

Важно отметить, что в мягком варианте первого субстантивного склонения у имен муж. рода возникла совершенно новая акцентная кривая, полностью реализующая противопоставление им. падежа косвенным и вин. падежу как в ед., так и во мн. числе (кривая B_1). Это акцентные отношения *конь* — *коня́*, *ко́ни* — *коне́й* (аналогично: *звездя́*, *червя́*, *груздя́*), сложившиеся в русском литературном языке лишь в начале XX в.

Итак, общий вывод: ударение выступает как дополнительное средство дифференциации форм именительного и неименительного падежей в ед. числе, а во мн. числе выполняет ту же функцию, но с ограничениями, обусловленными противопоставлением мн. числа ед. числу.

3. В форме имени при глаголе-сказуемом, выраженном формой действительного залога, ударение выступает как дополнительное средство, дифференцирующее субъект и объект благодаря его переносу на флексию в объектных формах; при глаголе же в форме страдательного залога указание об объектном значении содержится в форме самого глагола, точнее в форме страдательного причастия. Личные формы не используются здесь потому, что обычно частица *-ся* придает таким формам либо возвратное (не страдательное) значение — у глаголов совершенного вида ²⁵, либо возвратно-страдательное значение — у глаголов несовершенного вида ²⁶, ограничивающее четкое разграничение объекта и субъекта (ср. *винт повернулся*: *винт поворачивается движением отвертки*). Глаголы несовершенного вида, с точки зрения своих собственно морфологических возможностей, вообще менее приспособлены к достаточно четкому выражению страдательных значений (образование страдательных причастий настоящего времени, например, малопродуктивно) ²⁷. Страдательное значение в морфологическом плане может быть наиболее отчетливо выражено в основном лишь в прошедшем времени, причем именно формой страдательного причастия; понятно поэтому, почему дифференциация объектных и неobjектных значений с помощью дополнительного средства — ударения сложилась в прошедшем времени.

Ударение на корне или приставке в страдательном причастии как указатель того, что имя, согласуемое с данным причастием в числе (также и падеже), является объектом, противопоставляется ударению на суф-

²⁴ В. В. Колесов, указ. соч., стр. 71, 103, 171, 190.

²⁵ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 151.

²⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 632—633; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М., 1941, стр. 193.

²⁷ Ср.: Г. М. Милейковская, Из истории страдательных причастий с суффиксом *-и-* в русском языке, ФН, 1963, 3, стр. 24—26.

фиксе в действительном причастии или в другой глагольной форме действительного залога, согласованной с именем и способной показывать, что это имя является субъектом (ср.: *винты завинчены слесарем; слесарь завинтил винты; слесарь, завинтивший винты; урожай собран колхозниками; колхозники собрали урожай; колхозники, собравшие урожай*).

Противопоставление страдательных причастий по месту ударения другим формам прошедшего времени распространено очень широко и охватывает оба спряжения: *узнанный — узнал — узнавший, прочитанный — прочитал — прочитавший, нарисованный — нарисовал — нарисовавший, развернутый — развернул — развернувший, согнутый — согнул — согнувший, убранный — убрал — убравший, написанный — написал — написавший, свинченный — свинтил — свинтивший, задавленный — задавил — задавивший, напобитый — напобил — напобивший, рассматриванный — рассматривал — рассматривавший* и т. д.

Исследователи, характеризуя ударение страдательных причастий, указывают, что место ударения у них в ряде случаев зависит от места ударения в форме не прошедшего, а настоящего времени. Это бесспорно²⁸. Однако зависимость здесь не семантического, а чисто структурного, формального порядка, ибо она распространяется только на глаголы II акцентологического класса. Если бы выбор места ударения в страдательном причастии был семантически обусловлен местом ударения в формах настоящего времени (ср. *пишешь — писанный, вяжешь — вязанный, давишь — давленный, пилишь — пиленный* и т. д.), то осталось бы неясным по каким причинам сохраняется ударение в таких обособленных в акцентном отношении формах, как, например, *читанный* (ср. *читаю, читавший* и т. д.). Если структура основы страдательного причастия и основы настоящего времени здесь и не тождественна (как у глаголов II акцентологического класса), то она во всяком случае и не столь различна в акцентологическом плане, чтобы препятствовать индукции форм настоящего времени на страдательное причастие; этого не происходит по причине акцентного «отталкивания» страдательного причастия от форм прошедшего времени.

В истории языка различия в выборе места ударения в страдательном причастии и в формах прошедшего времени действительного залога никогда не устранялись в результате акцентных сдвигов. Напротив, эти сдвиги обычно были направлены таким образом, что вели к расширению указанного акцентного противопоставления (ср. Триодь Постная, 245 — *позна́нь*; Учение, 10 об. — *позна́нь* и т. п. при современном *позна́н*). В отличие от изменений типа *изучены — Учение, 220 об., разпущены — Учение 26* при современных *изучены, распущены* эти факты не могут быть объяснены акцентологическим воздействием форм презенса. Из новых материалов см. работы И. Э. Еселевич). Весьма характерна с синхронной и исторической точек зрения полная акцентная независимость форм страдательных причастий от форм инфинитива, с которыми они структурно тождественны в ряде случаев.

К сказанному следует добавить, что у глаголов II акцентологического класса акцентные сдвиги в настоящем и простом будущем хотя и параллельны, но далеко не всегда тождественны, ср.: *завинченный, но завинтишь, разгробленный, но разгройшь; крещённый, но крестишь, заменённый, но заменишь*. В связи со сказанным следует отметить и такие нарушающие норму «новообразования», как *приведённый, привнесённый* и т. д., отмеченные в «Русском литературном ударении и произношении» (М., 1955).

²⁸ См.: А. Б. Шапиро, Об ударении в страдательных причастиях, «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка [АН СССР]», 2, 1948, стр. 102.

Образования *приведений, пёчений* узаконены в украинском и в белорусском.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Семантические функции ударения как дополнительного средства дифференциации грамматических форм поддаются систематизации. Это — количественные отношения с противопоставлением по числу, виду, степени и субъектно-объектные отношения с противопоставлением объекта субъекту. Они должны изучаться и учитываться при оценке и прогнозировании литературных норм²⁹.

²⁹ Ряд важных соображений, касающихся оценки норм, высказаны А. А. Еськовой в статье «О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа», ВЯ, 1972, 3, стр. 127, 130 и 133.